

*Эта книга написана
вдвоем — матерью и сыном.*

*Мать — известный поэт и переводчик,
автор перевода поэмы Генри Лонгфелло
«Песнь о Гайавате» и книги стихов великого
американского поэта Эмили Дикинсон, член
Союза российских писателей.*

*Сын — профессор филологии, автор книг
«Западная литература. История духовных
исканий», «Олдос Хаксли. Эволюция
творчества» и многих других.*

*Могут ли «проскакать в одной упряжке»
поэт и ученый и доскакать до цели?*

Судите сами!

АВТОРСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Это второе издание книги. Первое было осуществлено в 2001 году. Название осталось прежним, авторский коллектив удвоился, а главное — существенно расширилось содержание.

История литературы знает немало случаев, когда, однажды изданная, книга потом в течение многих лет менялась, расширялась, даже переписывалась, но продолжала выходить под первоначальным названием, жила под своим первым, изначальным, исконным именем. Книга — она как человек. Человек, сохраняя имя, по ходу жизни меняется, обретает иной, иногда более сложный, а иногда и более простой взгляд на вещи. Но, как правило, остается собой, сохраняет свои сущностные черты (исключения — когда человек полностью теряет себя и сохраняет имя просто как формальный атрибут — редки). То же — и книга.

Первая публикация «Еврейских страстей» встретила живой интерес — и не только «на еврейской улице».

Нам, евреям, и это вполне закономерно, оказались интересны мы сами, увиденные в одном из ракурсов через призму одной субъективности (а объективной истиной владеет разве что Господь Бог — если таковой существует). Но оказалось, что наши еврейские страсти интересны и нашим соседям — разумеется, добрым соседям (прежде всего — на «русской улице», поскольку

ку издана книга в России). Книга вызвала много вопросов, много дискуссий (для этого она во многом и писалась) — и, вдохновленные проявленным к книге интересом, мы, ее нынешние авторы, решили при подготовке нового издания охватить и новые пространства неохватной еврейской жизни.

Новые «Еврейские страсти» основательно пополнились. Прежде всего, «эссеистическая» часть книги, названная «33 эссе о евреях», пополнилась двенадцатью новыми эссе, среди которых «Евреи — маргиналы среди маргиналов», «Самые зависимые и самые свободные», «Евреи-антисемиты», «Евреи и христианство», «Евреи и историческая память» и другие. Вообще эссеистика — занятие сколь интересное, столь и не совсем благодарное. Здесь по определению нет точности научного труда, но нет и флера художественного вымысла. Это — субъективные раздумья об объективной реальности. Это мир (в данном случае еврейский мир) как комплекс ощущений. А еще — как комплекс переживаний, комплекс мыслей по этому поводу и даже комплекс комплексов. Содержание любого эссе всегда можно опровергнуть — другим опытом, другими ощущениями, другими переживаниями, другими мыслями, другими комплексами, в итоге — другим эссе. Но стоит ли опровергать, когда можно дополнить? Просто, долго раздумывая над корнями еврейского характера, над тем, что объединяет и еврейские страсти, и еврейские странности, и еврейские грехи, один из нас, авторов этой книги, вышел к исходному понятию — маргинальность. Жизнь в христианской, православно-христианской стране, под аккомпанемент божественно красивого колокольного звона, с видом на золоченые луковки церквей практически из любой точки городского пространства (ну хотя бы в центре), естественно, вольно или невольно заставляет и нас, российских евреев, как-то позиционировать себя по отношению к этому духовному пространству.

Это натолкнуло другого автора на идею эссе «Евреи и христианство». Каждое эссе в этом цикле выросло из долгих, порой многомесячных и даже многолетних раздумий, из впечатлений собственной жизни, из проанализированных под их влиянием культурных источников.

Второй раздел — «Рассказы о еврейских чудиках» — художественный. И автор у него — один. У странных героев этих рассказов есть жизненные прототипы; у описанных в них странных ситуаций — своя жизненная первооснова (в крайнем случае — «сновидческая», как в «Упорном Изе», но ведь сновидение тоже не возникает из ничего!). Из этой первоосновы, в разной степени «переформатированной» уже художественным вымыслом автора, и выросли эти рассказы. Как-то принято считать, что евреи — люди исключительно рациональные, до скуки рациональные. Все-то у них рассчитано, все промерено и взвешено, так что и права на своих «чудиков» у них вроде как нет. Но ведь есть они — эти «чудики», многие из нас именно такие. А за многими еврейскими странностями стоят такие трагические изломы судеб, что и улыбнуться над этим грешно (как в рассказе «О бедной еврейке замолвите слово»). А над чем-то — не только не грешно, но, как говорится, сам Бог велел. А над чем-то можно и улыбнуться, и поплакать почти что одновременно. В некоторых рассказах — не судьбы, а ситуации. Но — странные ситуации, в которые может попасть (или влипнуть, или вообще вляпаться) именно еврей и только еврей, например — Блюменфельд у исторического памятника (начаться так могло с любым, но подобное продолжение и подобная развязка — они только для Блюменфельда и больше ни для кого).

Третий раздел — «Еврейский квартал» — это поэтическая исповедь поэта и еврея о еврейском в себе, о своих сложных, отнюдь не однозначных и не идиллических отношениях с большим, исторически и духов-

но богатым, да к тому же еще и весьма требовательным (экзистенциально требовательным, даже где-то безжалостно требовательным) еврейским миром. Впрочем, зачем говорить прозой о стихах?

Наконец, последний раздел — «Беседы на еврейской кухне». Это диалог двух авторов этой книги между собой, наш диалог, концентрат наших многочисленных и многолетних бесед. О, еврейские кухни (как, впрочем, и русские интеллигентские) — это место особое. На них гораздо больше говорят, чем готовят. Вот и наша — не исключение. А содержание бесед — все о том же, наболевшем, еврейском. И оказывается, что и у нас — ближайших друг к другу людей в жизни и в этой книге — тоже единого мнения по многим вопросам нет, а есть диалог, порой переходящий в спор.

Вообще «еврейскую тему» нельзя назвать малоработанной. О евреях сказано немало — и евреями, и не только ими — как в силу пресловутой еврейской «писучести» (об этом — в эссе), так и в силу того интереса (когда — доброжелательного, когда — совсем наоборот), который мы вызываем в мире. Увы, та сложная тема, каковой мы являемся, почему-то создает перманентный соблазн простых ответов. Причем — с разных сторон.

Что собой представляет — в основном! — большая часть литературы «антиеврейской»? Набор расхожих штампов, принятых как аксиома (что евреи изначально плохи, их дух изначально враждебен *«нашему»* духу, они разрушают и разлагают все, к чему прикасаются, — это все и доказательств не требует, это — многократно повторяемые магические заклинания), некоторое количество исторических фактов, подтверждающих еврейскую зловредность (факты могут быть и реальными — простите, но любой многомиллионный народ может «подарить» истории энное количество злодеев), да еще в лучшем случае почти гамлетовское «Бить или не бить — вот в чем вопрос», а в случае совсем уж

пещерном — ясное и не терпящее никаких возражений «Бить!». Честное слово, иногда с удовольствием читаешь даже и нечто весьма критическое в наш, еврейский, адрес, если есть там хоть проблеск самостоятельной мысли, хоть какая-то попытка понять нас и нашу правду. Да вот беда — такие тексты по пальцам пересчитать можно.

Желаешь встретиться с *оппонентом* — и в очередной раз встречаешь злобного хулигана со сжатыми кулаками. И, увы, этот собирательный «хулиган-жидодод» во многом определяет и еврейское самосознание. Огромная часть «еврейских» книг, статей и альманахов написана словно бы в диалоге с этим громилой. «Ах, мы все трусы?! А вот сколько среди нас Героев Советского Союза в Отечественную войну, и вот какие есть конкретные потрясающие судьбы евреев-воинов, скушал?», «Ах, мы все ничего ценного миру не принесли?! А Эйнштейн не принес? А Макс Планк не принес? А такой-то выдающийся физик/химик/биолог/художник не принес?» Вести полемику с таким воображаемым питекантропом легко, да и ведется она, скорее, не столько с целью его переубеждения (все равно невозможно), сколько с целью нашего, еврейского самоубеждения в том, что он таки не прав, что мы на самом деле хорошие, белые и пушистые. Между прочим, и мы сами, авторы этой книги, многократно слышавшие в жизни утробный рык зоологического антисемитизма, с большим удовольствием читаем ответные «Жития замечательных евреев» — этакая национальная психотерапия получается. И она нужна.

И в то же время — со всех сторон (в том числе — и с еврейской, между прочим) очень мало предпринимается попыток понять, осмыслить, что есть мы, евреи, — и как «вещь в себе», и в контексте окружающего нас мира. Что есть в нас такого особого, что позволяет нам тысячелетия — без своей земли! — понимать и чувство-

вать свою принадлежность к этому странному разбро-
санному по миру сообществу? А может — не в нас это
особое, а в том, как к нам относятся извне, и тогда прав
Сартр — евреями нас делают антисемиты.

Но ведь что-то уже в нас самих вызывает и то осо-
бое к нам отношение, которое постоянно напоминает
нам о нашей особости, даже если мы очень хотим о ней
забыть. И здесь проще всего впасть в крайности — или
в крайность покаянного национального самоотречения
(«Простите нас! Впустите нас! Крестите нас!»), или же
в крайность горделивого игнорирования сложной ре-
альности («Мы — хороши! Если кто-то нас не любит —
это их проблемы»). Если спроецировать такую поста-
новку вопроса на отдельного человека — так можно
среагировать на хамство случайной продавщицы: гор-
до повернуться спиной, еще более гордо заявить: «Я
больше в этот магазин ни ногой!» и совсем уж гордо
хлопнуть дверью. А если тебя не понимают соседи, от
которых никуда не уедешь? Или даже друзья, с кото-
рыми уже успел душевно породниться? Или родные?
Даже если ты убежден, что прав ты, а они — нет (хотя
вот так в чистом виде очень редко бывает, обычно всё
сложнее).

Всё равно, если эти проблемы связаны с тобой, то
это *и твои проблемы тоже*, и если ты — здоровый и ра-
зумный человек, ты будешь искать пути их решения и
делать со своей стороны разумные шаги навстречу. Что
уж тут говорить о народах! Что уж тут говорить о ев-
рейском народе, который уже исторически оказался
сращенным со многими народами мира. А раз так —
«еврейские проблемы» всегда — *наши* проблемы, от
которых невозможно гордо уклониться. Вот мы и по-
пытались дать свое толкование «еврейского вопроса»
— и в качестве воображаемого оппонента посадили пе-
ред собой не пышущего ненавистью питекантропа, а
мыслящего, порядочного, желающего и способного
понять чужую правду, но в то же время имеющего и свои

вопросы к евреям, и свои предубеждения на еврейский счет представителя окружающего нас мира.

Мы пытаемся, насколько это получается, взглянуть на себя его глазами, «влезть в его шкуру» и где-то, между прочим, с ним и согласиться, где-то просто вместе с ним порассуждать и прийти к каким-то общим выводам, а где-то — и хлестко поспорить.

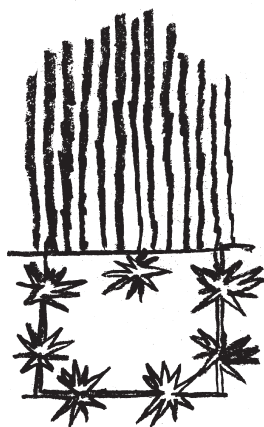
Кому адресована эта книга? Всем, кому «еврейский вопрос» интересен и для кого нет на этот вопрос законченного ответа. У нас, между прочим, тоже нет!

И хоть мы не знаем, найдем ли когда-нибудь мы, евреи, этот заветный ответ, но искать всё-таки надо!

Слава Рабинович
Валерий Рабинович

33

ЭССЕ О ЕВРЕЯХ

Слава Рабинович

ЕВРЕЙСКИЕ СТРАСТИ

У всякого человека есть своя страсть, свой пунктик, если хотите. У всякого народа — тоже. Это, конечно, не значит, что все поголовно французы любят вино и женщин, а все поголовно немцы любят пиво с сосисками. Я знала даже еврея, который любил исключительно беш-бармак и арабских женщин. Однако все эти странности только подчеркивают главную линию нации.

Если предложить десяти евреям взятку, скажем, в сто тысяч рублей, то, по моим прикидкам, два-три возьмут, остальные откажутся — кто из честности, кто из страха, кто из чистоплюйства или интеллигентности. Это немного по сравнению... То есть деньги — это не страсть еврея, как думают многие. Другое дело — их делать, сам процесс может быть завлекательным, но далеко не для всех, очень далеко не для всех.

Пять страстей есть у еврея, как пять пальцев на Вашей правой руке, и на левой тоже. И первая страсть — это страсть к газетам (а также к книгам, журналам, к листкам на заборах, даже к надписям на стенах и памятниках), но к газетам особенно. Кто в праздники, когда все нормальные люди пьют и закусывают, бегают ежечасно к почтовому ящику с диким огнем в глазах или в мороз бежит к газетному киоску (часто на старых трясущихся ногах), чтобы купить — неважно какую — «Известия» или «Дейли Мейл», но газету, и счастливый почти летит обратно, чтобы поскорее раскрыть ее и припасть к этому источнику (я имею в виду информации)? Это евреи! Кто, едва встретившись, на-

чинает бурно (иногда со слюной и с пеной у рта) обсуждать не жен, не любовниц — о нет! — а Немцова и Жириновского, Зюганова и Хакамаду, Чубайса и (тьфу, тьфу, тьфу!) Проханова? Опять же они, евреи! Конечно, еврей (я имею в виду евреев России) должен знать все про Россию, Израиль, ну и Америку тоже, вплоть до погоды. Да, от погоды в России зависит многое — революции тоже. И еврей решает вечный вопрос: ехать — не ехать, и если да, то брать ли зонтик. Но еврей хочет знать и про Гондурас, и про Мадагаскар, вот это чудно! Может, мы идеалисты такие, а может, просто прикидываем на всякий случай — вдруг никто нас не примет (такое уже бывало), останутся только Мадагаскар с Гондурасом. В общем, я вас уверяю, что это страсть и ничего кроме страсти.

Вот, например, одежда — не страсть. Еврей делает прикид, чтобы не выделяться. А там, где можно (например, в Израиле), он будет год ходить в застиранной майке и черт-те знает в каких штанах. Он этого просто не замечает. Потому что, я повторяю, одежда — это не страсть еврея.

И тут мы перейдем ко второй еврейской страсти — это страсть к остроумному, веселому слову. Должна вам заметить, что эта страсть не врожденная, она благоприобретенная. Еврейские дети растут довольно серьезные и

занудные (некоторые остаются такими всю жизнь). Лет так до 17–18. И вот тут начинается — сначала брызгами, потом струями, потом (у некоторых) восходят целые фонтаны юмора. Отчего это? Может, евреи так защищают свое здоровье, чтобы не подорвать его в жестких условиях севера (известно, что смех лечит)? А может, они хотят рассмешить окружающих, чтобы смягчить их? Отчего евреи начинают смеяться в юности и не могут остановиться до конца своих дней? Я не знаю. Бог знает. Знаю только, что львиная часть русских юмористов (а выдающихся — еще больше) — это евреи. И чего они смеются, я тоже не знаю. И главное, над собой смеются особенно сильно! Может быть, это способ самоочищения, как купание в пыли воробьев: ведь чистота — это залог здоровья людей и народов, и с этим никто не спорит.

А третья еврейская страсть — иметь свое дело, пусть небольшое, стать каким-то начальником (тут «патриоты» правы). Но далеко не всегда корысти ради, то есть власти и денег, часто со скромной зарплатой и на самых трудных местах — не в партии и профсоюзах, а на заводах и стройках — но, правда, начальником или же замом. Учтите, что власть еврея-начальника очень условна — он трижды зависим и от начальства, и от тех, кто под ним. Ветерок дунул — и еврей слетает, как курица с палки. И все же держится чудом. Зачем ему это надо? Быть может, чтобы загладить обиды детства — вот вы меня унижали, а я вот смотрите какой! Затем, чтобы что-то исполнить в жизни, какой-то нелегкий долг или дело — и в этом смысл его жизни. Ведь русский может быть самоценен и так, и даже хорош, а еврею всегда надо что-то доказывать. И, наконец, еврей создает в своем коллективе спокойное место для жизни, крохотный остров, где он как бы хозяин, хороший и добрый хозяин (евреев-начальников любят), и это греет еврея. Вы поняли все насчет третьей еврейской страсти? Теперь перейдем к четвертой.

И вот четвертая страсть — это страсть говорить и спорить, спорить и говорить. Два еврея, сошедшихся вместе, — это уже как собрание на тему «Любовь и дружба» в клубе завода. Три еврея — это уже почти запредельно. Много евреев — это слишком острая пища; в любой компании евреев всегда надо кем-то разбавить. Всякий еврей всегда знает нечто такое, чего никто не слыхал. Можно считать это слабостью, можно это ненавидеть, что делают многие. А может, в спорах еврейских действительно рождается — пусть не истина, но нечто ближайшее к ней. Вот этого я не знаю. Пока.

И вот последняя еврейская страсть — это страсть к написанию книг. Запечатлеть на бумаге, кто что видел, или сделал, или видел, как делал другой, отметить в жизни, как в списке, — вот, дескать, жил-был такой-то и многое видел и сделал — приобщиться ко времени — это было мое время, и я в нем был не промах — и, может быть, к вечности, кто там знает. Может, это идет от самой большой веры еврея — веры в вечность и в изначальный смысл первичного замысла. Вот вам евреи, как я их сумела понять. Быть может, не все удалось, но писала с любовью.

ЕВРЕЙСКИЕ МУЖЧИНЫ

Мой глубоко информированный друг из СП Лев Сонин, когда я только заговорила с ним об этом предмете, выдал тут же: «Ну да, еврейские мужчины, оно конечно... Помню, мой папа всегда шел на шаг впереди мамы». И тут я вспомнила, что ведь и я всю жизнь вприпрыжку догоняла своего мужа и часто не могла догнать — потому что он всегда стремился вырваться вперед. Оказаться первым везде: в семье, в деле, перед истиной, даже перед Всевышним — вот она, главная

особенность еврейских мужчин, и не только особенность, может, даже Божье предназначение. Возможно, без этой особенности еврейских мужчин, точно так же, как без некоторых особенностей еврейских женщин, евреи уже давно исчезли бы с лица земли, как это сделали десятки, а может быть, сотни вполне достойных народов.

В детстве я не была вписана в еврейский мир, ни в детстве, ни в юности — так вышло по жизни. Беженство, потом поездки с военным отцом по закрытым стройкам, где евреи были считанные, уход отца и предельная бедность — все это начисто выключало меня из еврейской жизни. Я дружила с русскими девочками, за мной ухаживали русские парни и делали мне предложения, но я упорно отказывалась, сама не знаю почему. Они говорили мне красивые слова о любви, возносили меня до небес, один даже ездил со мной в тридцатиградусный мороз на Эльмаш, чтоб я могла проведать мою старую-старую бабушку. Первый и единственный еврей, сделавший мне предложение, стал моим мужем. И он совсем мало говорил мне о любви и никуда меня не возносил, то есть, как и положено еврею, он не делал из меня кумира. Я уже не говорю о моей бедной бабушке, к которой он мог бы поехать тогда, только слегка рехнувшись. Просто мне было с ним интересно, из него били ключом юмор и остроумие, но главное, на меня впервые в жизни повеяло чем-то знакомым, даже родным. Эти интонации я уже где-то слышала, эта жестикуляция рук была странным образом похожа на мою. Простите за лирическое отступление.

Однако эту важную мысль о стремлении евреев к первенству везде, где только можно, надо еще подтвердить, потому что мой муж — это еще не все евреи, отнюдь, как сказал однажды на четверть евреизированный Гайдар и одним этим словом испортил себе всю кашу, которую заваривал так долго и трудно. Так вот,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru